

В КОНЦЕ прошлого — начале нынешнего столетия мировая известность Толстого — мыслителя и проповедника не уступала всемирному признанию и значению его художественного гения; «то и другое», — писал В. И. Ленин в 1910 году, — отражает, по-своему, мировое значение русской революции». Резко критикуя религиозно-оформленную проповедь Толстого, В. И. Ленин отдавал ему должное не только как великому художнику, но и мыслителю, который с огромной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства.

Поставленные Толстым «великие», по другому определению В. И. Ленина, вопросы не утратили своего значения до сих пор, находясь на острие современного идеологического противостояния социалистических стран и капиталистического мира. И это так потому, что освобождение всего человечества от капиталистической эксплуатации, национального угнетения, империалистических войн — проблема всех проблем зрелого творчества Толстого — художника, мыслителя, историка, психолога, философа и моралиста.

Толстой никогда не ощущал себя только писателем, а всегда общественным деятелем, искателем истины, призванной осветить человечеству путь к его светлому будущему. И не в предложенных Толстым проповедником рецептах спасения человечества, а в неодолимой нравственной потребности «дойти до корня» всех социальных зол капиталистического «мироустройства» обнаруживаются поистине гигантский масштаб, неукротимая энергия и бессмертные мысли великого русского художника слова. Мысли в основе своей художественной, охватывающей жизнь в единстве ее многогранного психологического отражения, то есть так, как она непосредственно и дана человеку. Истина же, которую ищет Толстой, в ее конечной инстанции, — истина, по сути дела, философская.

Круг собственно философских интересов и представлений Толстого означала ограничен проблемами нравственной, по классической терминологии — «практической» философии. Но в понимании Толстого она охватывает, вмещает все без исключения насущные проблемы общественного бытия и сознания. «Философия есть наука жизни», — провозгласил Толстой в самом раннем из известных нам, еще юношеском рассуждении «О цели философии» и до конца дней оставался верен этому убеждению. Предмет «науки жизни» — человек, а ее метод — познание человеком и обществом самих себя. Цель же самопознания — нравственные самоусовершенствования и человека, и общества посредством постижения и различения ими того, что составляет истинное добро человеческому существованию и его несомненное зло. «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны...

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, —

правда». Так заканчивает Толстой один из трех своих рассказов о героических и драматических событиях обороны Севастополя, непосредственным участником которой он был.

Единственный и несомненно «прекрасный» герой рассказа — правда художественного изображения еще не есть искомая Толстым-мыслителем истина, а только единственно возможный для художника-мыслителя способ ее постижения. Ибо истина, как и добро, видится Толстой не умозрительной конструкцией, а чем-то существующим объективно, но скры-

то социальному злу всего буржуазного миропорядка — это идейный эпицентр учения Толстого, «христианского» по форме, антибуржуазного и этического по существу.

Вопиющему, несомненно, нетерпимому злу капиталистического строя с его социальным неравенством, разительными контрастами богатства и нищеты, оберегающего богатство и умножающего нищету тюрьмами, каторгами, судами, империалистическими войнами, колониальным хищничеством, противостоит в учении Толстого столь же несомненное, как реально достижимое для че-

нию» истинного и высшего блага братского, мирного сосуществования людей и народов. Именно тем обстоятельством, что каждое убеждение, каждое положение Толстого-мыслителя опирается на ту или другую созвучную ему традицию мировой культуры, обуславливается исключительная, всемирно-историческая широта зрения Толстого-художника. И это в равной мере относится и к его «разуму», и к его «предрассудкам» (В. И. Ленин).

В частности, и в своем демонстративном отстранении от политики Толстой не только отражал политическую

него пристального внимания и изучения.

Нравственно, по Толстому, все, что объединяет людей и народы, содействуя тем самым их общему благу. Беснравственно же и пагубно все, что разъединяет их, порождая антагонизм и борьбу личных, классовых и национальных интересов. Толстой приходит к этому убеждению путем фронтальной критической проверки индивидуалистических ценностей буржуазной идеологии и морали нравственными ценностями трудового сознания народно-крестьянских масс. В конечном счете, постулируемый буржуазным эгоизмом и волюнтаризмом «закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний», и выступает у Толстого — художника и мыслителя самым пагубным из всех человеческих заблуждений. В том числе и для тех, кто его исповедует. Это вытекает из особо актуальной сейчас идеи Толстого, согласно которой действительное счастье и радость приносит человеку удовлетворение его высших, духовных потребностей, так или иначе устремленных к гармоническому сочетанию личных интересов с общественными. Толстой никогда не отрицал при этом жизненной важности, естественности и «законности» также и материальных потребностей, но видел в их удовлетворении лишь необходимое условие нормального человеческого существования, но отнюдь не его высший смысл и главную цель. И не только видел, но и показал как художник и как мыслитель, что отождествление человеком своего личного достоинства и благополучия с обладанием одними только материальными ценностями неизбежно оборачивается против самого стяжателя, отравляя его жизнь неутолимой жаждой приобретения ради приобретательства. Переступая естественный предел необходимого и полезного, она становится безграничной, т. е. в принципе неутолимой и потому мучительной.

Согласно философии, этике и художественному мировосприятию Толстого, Человек, как и всякое смертное, конечное существо, есть в то же время органическая часть нерасторжимого, вечного и бесконечного целого жизни природы и общества. И только осознавая свою сопричастность этому целому, свою ответственность перед ним и содействуя его благу, человек постигает истинный «неуничтожаемый смертью» смысл своего собственного, неизбежно конечного существования. Об этом говорит и к этому призывает, в частности, и следующая дневниковая запись Толстого 1894 года: «Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. Внагроможденных облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Какие простые, скупые и вместе с тем емкие, мудрые слова! И в них весь Толстой, художник и мыслитель.

Е. КУПРЕЯНОВА,
доктор филологических наук.

ЛЕНИНГРАД.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — МЫСЛИТЕЛЬ

тым от глаз (понимания) людей «покровами» их ложного представления о благе и смысле человеческой жизни. В самом первом художественном опыте Толстого — «Истории вчерашнего дня» есть такие строки: «сними грубую кору с бриллианта, в нем будет блеск; откинь оболочку слабостей, будет добродетель». В черновиках «Войны и мира» та же мысль сформулирована точнее: «Истина есть только отсутствие заблуждений... и потому она всегда проста, ясна и доступна, и вся трудность восторженствования ее состоит только в победе над заблуждением».

В философском плане вопрос о том, что есть истина и что заблуждение, Толстой исследовал, решал, уточнял до конца своих дней. Носителем истины в том или другом ее разрезе, как и доброты, изначально выступало у него «трудящееся человечество», русское крестьянство прежде всего, а носителем скрывающих истину заблуждений — и порождаемого ими зла — господствующие классы буржуазно-помещичьего общества. Изначальное и неустойчивое разоблачение «лжи, обмана и зла «господского» — объективно буржуазного миропонимания, буржуазной идеологии и морали перерастает у Толстого в страстное обличение эксплуататорской, «насилистической», по его терминологии, сущности всех без исключения порядков, законов, институтов буржуазного общества и государства, включая церковь.

Против узаконенного буржуазным государством и санкционированного официальной церковью «насилия» «богатых над бедными», «паразитов» над «тружениками» направлена у Толстого «открытая» им и непреложная для него истина евангельской заповеди «не противься злу насилем». По его принципу «злом нельзя исправить злом» Толстой распространяет евангельский запрет также и на революционно-политическую борьбу, отрицая эффективность вооруженного выступления и революционного «насилия» масс над их эксплуататорами. Но это вовсе не значит, что Толстой призывал народные массы к непротивлению как таковому, то есть примирению с существующим социальным злом. Наоборот, массовое противление злу, имен-

ловечества его наивысшее благо — «мир между всеми людьми и народами». Но чтобы достичь его, человечество, начиная с «трудящегося большинства», должно осознать античеловеческую, по терминологии Толстого, «антихристианскую» сущность, а потому и полную незаконность всех экономических, общественных, государственных, церковных порядков и психо-идеологических устоев капиталистического строя и, осознав, перестать выполнять все его предписания. В том числе и предписание участвовать в насилии, служа в царской армии и полиции. В таком сцеплении мыслей христианская заповедь непротивления злу насилем, но только насилем, обретает характер всеобъемлющей и по сути дела художественной антитезы «насилистической» сущности капиталистического строя и единственно возможного способа его «разрушения».

Как это было установлено В. И. Лениным, в возведении заповеди «непротивления злу насилем» в ранг всеразрешающей нравственной истины, единственной панацеи от всех зол капитализма, ярче всего проявилась историческая ограниченность и противоречивость Толстого — идеолога русского пореформенного крестьянства. По словам В. И. Ленина, устами Толстого «говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже не видит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними».

Толстой-мыслитель неустанно проверял свои нравственно-философские и социальные убеждения духовным и практическим опытом всего человечества. Поистине грандиозна та глубочайшая «пахота», в которую вылилась у Толстого эта проверка. Путь, пройденный человеком от первобытного состояния к империалистической стадии развития мирового капитализма, выработанные человечеством на этом пути материальные и духовные ценности, завоевания науки и техники, философские, социальные, этические, эстетические и религиозные учения, запечатленная в памятниках мирового фольклора вековая мудрость самых различных народов, не говоря уже о русском, — все это, вместе взятое, было постоянным предметом «изысканий» Толстого, устремленных к постижению и «восторжествова-

незрелость революционного протеста крестьянских масс в годы подготовки и свершения первой русской буржуазно-демократической революции, но и опираясь на тщательно изученный опыт буржуазных революций в Европе, а в его осмыслении продолжал традиции французского утопического социализма. И Толстой был прав, утверждая в статье «О значении русской революции» (1906 г.), что даже Великая французская революция не привела к осуществлению «несомненных, истинных принципов равенства, свободы, братства», которые «как были, так и остались и останутся истинными и до тех пор будут стоять перед человечеством, пока не будут достигнуты», что остается «то же неравенство, какое было между фараонами и его рабами, и теперь между Рокфеллерами, Ротшильдами и их рабами». С тем же негодованием говорит Толстой о «набегах на беззащитные народы Африки и Азии и друг на друга» и прочих жестокостях, творимых над народными массами в «самых свободных», а на деле «мнимых свободных» капиталистических странах Европы и Америки.

Мнимость буржуазных «свобод», лицемерие буржуазного парламентаризма и конституционализма и убежденности Толстого в бесперспективности революционной борьбы масс за свое политическое освобождение в 1905 году. Но при этом он приветствовал революционные события 1905 года постольку, поскольку усматривал в них несомненное свидетельство начавшейся «революции сознания», разумея под ней духовное раскрепощение человечества от всех предписаний буржуазного общества и государства, их стяжательской, хищнической, эгоистической морали.

История доказала несостоятельность абсолютизации Толстым нравственного фактора общественной жизни как решающей силы социально-исторического прогресса. Но история доказала и другое: недооценка нравственного фактора и пренебрежение им столь же несостоятельны, как и его переоценка. И сейчас, в свете задач формирования коммунистической нравственности, этическое оформление социальных воззрений Толстого, равно как и нравственная проблематика его художественного творчества заслуживают са-